

ЛЕНА КОВАЛЕНКО

Міла

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лена Коваленко
Игла
Серия «Виноватые», книга 1

<https://litres.ru/73540529>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её карьера безупречна. Её подразделение — лидер отрасли. Её личная жизнь — катастрофа.

Ксения привыкла контролировать всё: сроки, бюджеты, команды. Но отношения снова и снова выходят из-под контроля: женатые мужчины, измены, альфонсы... Пока в одном из баров она не встречает Якова. Он идеален: умён, красив, лёгок на подъём, словно создан для неё.

Погружаясь в водоворот новых чувств, Ксения не замечает тревожных звоночков. Яков — мастер манипуляций. Его цель — вовсе не сердце Ксении, а что-то совсем другое.

Когда любовь становится ловушкой, а доверие — уязвимостью, кто выйдет победителем в этой игре? И сколько на самом деле тут игроков?

Р. S. «Игла» — манипулятивный приём пикапа. В книге он даётся в искажённом виде.

Р.Р. S. Двухтомник

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ
ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ
ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Стерва Владимировна	8
Глава 2. Ксюха	15
Интермедия 1. Рабовладелица	27
Глава 3. Цыганская страсть	31
Глава 4. Как в старом кино...	38
Глава 5. Паранойя	45
Глава 6. СБэшное благословение	57
Глава 7. В темноте	67
Глава 8. Качели	73
Глава 9. Арт-хаус	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Лена Коваленко

Игла

Пролог

Пролог

Ксюша

К неудачам в любви я привыкла. Мимолётный счастливый роман — это такая редкость для меня, что вызывает куда большее удивление, нежели предательство, измена или просто неудачное свидание. Видимо, не судьба.

А вот работа. Любимая и... лучшая? Та, что годами дарила стимул вставать по утрам, радовала коллективом и достижениями. Да, у меня не было друзей на работе. Те немногие, с кем когда-то начинала, растерялись в процессе подъёма по крутой карьерной лестнице.

Зато была отличная команда профессионалов, которых я ругала, хвалила и успешно пинала вперёд. Продукты наших разработок сегодня есть практически в каждой семье и уж точно присутствуют на полках любого магазина техники.

И теперь всего этого нет в моей жизни.

Зато есть непонятный гул в голове и потребность держать лицо. Скоро все узнают, что её выбросили из компании, как ненужный хлам. Я должна покинуть офис достойно. На пер-

вый этаж я спускаюсь с лёгкой, пусть и слегка кривоватой, улыбочкой. Шум в голове мешает. Что-то странно звенит.

Хорошо хоть не надо сдавать пропуск, как раньше, — теперь всё через базы. Эту минуту позора я бы не пережила. Умерла бы от стыда на месте.

Всё размывается. Шум...

Куда я иду?

Прямо...

Главное — идти прямо и не врезаться в стеклянные двери.

Прямо...

Вдруг неприятный шум стихает... Ах, как хорошо... Я па-рю... лечу... отключаюсь... Лишь край сознания фиксирует резкий автомобильный сигнал... Благословенная тишина...

Важное предупреждение 18+

Произведение содержит сцены и описания деликатного характера: насилие, травмы, употребление алкоголя, табака и наркотиков, а также нецензурную лексику.

Всё изложенное — художественный вымысел. Автор КАТЕГОРИЧЕСКИ не пропагандирует деструктивное поведение, не романтизирует насилие и не призывает к подражанию действиям персонажей. Персонажи и события вымышлены; совпадения случайны.

Мир произведения — альтернативная версия России с собственными особенностями. Поведение и поступки персонажей могут противоречить личным моральным установ-

кам и ожиданиям читателей. Прошу читателей относиться к тексту критически и осознанно, учитывая его художественный характер.

Глава 1. Стерва Владимировна

— На этом закончим сегодня. Всем хороших выходных, набраться сил, отдохнуть и сделать следующую неделю на том же уровне.

Нотки тепла в моём голосе вызывают бурную реакцию в переговорной, хотя, скорее, такая реакция — на нерабочие выходные. Всё же такая ситуация для нас, привыкших работать в аварийном режиме, скорее редкость, чем закономерность.

Откладываю планшет и завершаю пятничную планёрку. В этот раз мы действительно молодцы.

— Стерва Владимировна добрая нынче, — слышу перешёптывание мужиков, пока выхожу из кабинета. Дверь закрылась неплотно, и слышимость идеальна.

— Ага, удовлетворённая, — скабрёзно замечает один из тестеров. Родители назвали сыночку по святцам, а потому он — Евстрат. За глаза его все, конечно же, зовут в рифму. Сокрушённо качаю головой: вот ему-то только и шутить про мою удовлетворённость.

— Узнать бы спонсора этой удовлетворённости, задолбало работать на выходных.

А это уже Ванечка. Ванечка неделю назад случайно уничтожил финальный макет проекта в шредере. Всем интересно, КАК он это сделал. Хотя я не рискнула смотреть каме-

ры во избежание 105-й статьи УК РФ. Вряд ли бы меня кто остановил, если бы я придушила его на месте. По милости его прямых рук мы и пахали прошлые выходные.

Так и подмывает сказать, что сами они спонсируют себе выходные, а чтобы почаще отдыхать, надо косячить в проектах на неделе не меньше. Упорно молчу. Делаю вид, что глухая. Пусть выскажутся. Они всё равно не со зла.

Благо я отошла уже достаточно далеко, чтобы речь коллег превратилась в бессвязный шум. И так услышала более чем достаточно, хотя и ничего особо нового.

Про своё прозвище я в курсе давно. Стервой Владимировной я стала тогда же, когда из простого спеца выросла в лидера проекта. Минимальная начальственная должность, но почему-то никому не понравилось пахать на результат. Кроме начальства. Этим всё понравилось. Особенно то, что под моим руководством задачи выполняют быстрее и результативнее. KPI¹сотрудников рос как на дрожжах, а вместе с ним и моя карьера.

За эти годы многое изменилось: я выросла до начальника одного из инновационных подразделений, стала ещё жёстче и требовательнее. Зато у нас лучшие показатели, результаты и, как следствие, премии. Поэтому пусть бухтят. Что-то в

¹ KPI (Key Performance Indicators) — это ключевые показатели эффективности, выраженные в цифрах или процентах. Простыми словами, это цифры, за которыми стоит результат. Они позволяют объективно оценивать результаты работы компании, подразделения или отдельных работников.

«Юрьев день»² никто в другое подразделение не перешёл, а к нам пришлось отбор делать среди желающих.

После планового совещания с командой закрываю свои таблицы и отчёты. Мою работу за меня тоже никто не сделает. Наконец рабочий день подходит к концу, я закрываю кабинет и со спокойной душой отправляюсь на выход. У меня тоже есть планы на этот пятничный вечер. Впереди — посиделки с подружками.

Впереди посиделки с подружками.

Ах, как бы хотелось, чтобы мы с одноклассницами, как героини известного сериала, могли пересечься в любой удобный момент, но сегодня дружба — это совпадение рабочих режимов. Состыковать наши графики почти так же сложно, как уложиться в дедлайн перед Новым годом.

Я работаю сутки напролёт, а секретность заставляет меня делать это по большей части в офисе. Нина — талантливый терапевт-диагност, запись к ней расписана на месяцы вперед. Алла — многодетная мать в декрете. Выбраться из пелёнок-распашонок у неё получается далеко не всегда, хотя она даже умудряется как-то подрабатывать. Сегодня — тот редкий случай, когда в гости к Алле приехала сверникровь. Молодая мать рвётся в отрыв, а мы с Ниной и не возражаем. Последний раз вживую виделись ещё в прошлом году.

¹ «Юрьев день» — в данной корпорации так называют период в году, когда сотрудник может подать заявление на перевод в другое подразделение. Речь идёт не о повышении в должности, а о горизонтальном перемещении из отдела в отдел.

Пока я была на совещании и закрывала неделю, созданный в честь загула чат уже разорвался сообщениями.

Нина:Алка, ты чё нас в полосатые записала?

Алла:Бар называется «Тигр». Значит, мы «тигрицы», почти как дикие львицы.

Нина:Тебе срочно нужна терапевтическая доза спирта, твой мозг сожрал декрет.

Алла:Доверюсь лучшему диагносту столицы! *смайл с бокалом вина* Я только «за»!

Нина:Ксюха, чтоб не смела приходить в своём бежевом «дресс-коде»! У нас отрыв! Тигрицы, видишь, идут на охоту!

Читаю переписку и хихикаю, как девочка-подросток.

Ксюха:Да, мои тигрицы, наряжусь в леопард!

Нина:Фу-у-у!

Алла:Да-а-а-а...

Смеюсь, захожу в лифт, но тут же замолкаю. В лифте едет большое начальство — исполнительный директор в сопровождении свиты: охрана, секретарь, кто-то из замов.

— Ксения Владимировна, — приветствует он меня.

— Константин Владимирович, — отвечаю в тон и сдержанно улыбаюсь.

Шутка про наши отчества родилась ещё на заре моей карьеры. Я так рвала проекты, что озлобленные конкуренты прозвали внебрачной дочкой бывшего босса. А при встрече Константин пошутил об этом. С тех пор так и реагируем.

— В этом квартале у вас опять лучшие показатели? —

уточняет шеф, пока я рассматриваю наше отражение в зеркальных дверях лифта.

— Да, — с улыбкой отвечаю. Мне есть чем гордиться в профессиональном плане, и я не стесняюсь этого.

— И в прошлом тоже? — уточняет с изучающим прищуром.

— И в прошлом, и даже в позапрошлом, — улыбка моя профессионально выверенного размера, хотя хочется улыбаться во весь рот. Мы с ребятами действительно крутые.

— Инновационное подразделение номер один с тех пор, как его возглавила Ксения Владимировна, уже больше года стабильно удерживает лидерские позиции, — подключается к разговору Кристина, секретарь нашего босса.

В недельных показателях мы, бывает, и проседаем — спасибо золотым рукам Ванечки, например, — но месяц всегда наш уже почти полтора года. Это настоящий рекорд!

— Отличные показатели, — удовлетворённо кивает Орлов и переключается на обсуждение статистики остальных подразделений со своими заместителями.

Тихонько выдыхаю и продолжаю изучать наше отражение. Шутка про родство даже имеет основание. Мы похожи: оба блондины, кареглазые, смуглые, с аккуратными чертами лица. Я чуть выше для женщины: метр семьдесят пять. Он низковат для плейбоя — всего сантиметров на пять меня выше. При моих офисных каблуках и укладке я даже кажусь выше него. Правда, его рост с лихвой компенсируется уве-

ренностью и энергией. Даже при всей моей репутации «стервы» такого уровня властности и энергии во мне нет.

Аура власти буквально окружает Константина Владимировича. Стоит Большому Боссу посмотреть на провинившегося, как тот мысленно уже пишет завещание, а вслух кается во всех грехах. Не знаю, врожденное это или приобретенное, но находиться рядом с подобной атмосферой силы, уверенности и жесткости непросто. Невольно возникает желание либо подчиниться, либо убежать подальше. Если бы в реальности существовал феномен иерархии альфа-, бета- и омега-лидеров, популярный в молодежных романах, которые читает старшая дочь Аллы, то Константин Владимирович наверняка был бы доминирующим альфачом — вожаком стаи.

Интересно, а какой он в постели? Что-то из жанра "50 оттенков"? Или просто страстный и властный?

Немного трясую головой, стараясь выглядеть невозмутимой. Годы работы научили держать лицо, хотя я в искреннем шоке от собственных мыслей. Отвечаю шефу спокойно, подтверждаю показатели. Мысленно же мечусь. Откуда взялось подобное в моём подсознании? Кыш-кыш отсюда! Верните холодные мысли на место. Рано расслабляться! Ещё пару минуточек надо продержаться.

Пока спускаемся на лифте с тридцатого этажа, успеваем обсудить пару текущих проектов, а я перестаю думать всякую чушь. Мне просто нужен отдых.

— Кристина, — обращается Орлов к своей секретарше, — не забудьте про дополнительную премию для подразделения Ксении Владимировны. Они честно заработали.

Лифт останавливается на первом этаже, и я, попрощавшись, ухожу. Начальство — вниз, на подземный паркинг. А я, как простые смертные, — на метро. И не потому, что не могу себе позволить (хотя сейчас не могу: ведь закрыла ипотеку в столице, и лишних миллионов на статусное авто у меня не осталось, а что-то попроще на моей должности не простят). Хотя не поэтому. Официальная версия моего передвижения на метро совпадает с реальной: так быстрее.

Накидываю пальто, улыбаюсь охране, отмечаюсь в системе безопасности и выхожу из здания на шумную улицу. Раскачиваю головой, разрушая идеально уложенные локоны, и делаю глубокий вдох влажного воздуха с примесью выхлопных газов, табачного дыма и городской пыли. Именно так пахнет Москва. Счастливо улыбаюсь и устремляюсь навстречу долгожданному выходным. Готовьтесь, бары Москвы, тигрица выходит на тропу охоты!

Глава 2. Ксюха

Музыка: «Moscow Never Sleeps» (DJ SMASH)

Я последовала совету Нины и не иду сегодня в бар в бежевом платье.

Я обожаю бежевые костюмы, песочные платья, ванильные блузки, кремовые жакеты, туфли оттенка слоновой кости, юбки оттенка экрю, бисквитные брюки, льняные рубашки, кардиганы под цвет кофе... Я знаю десятки оттенков бежевого. Да-да, это мой любимый цвет. Мой гардероб на 90 % состоит из всевозможных вариантов тёплых светлых оттенков.

Остаётся ещё десять процентов, и они... очень-очень яркие.

Сегодня на мне роскошное красное платье. Достаточно скромная длина, чуть прикрывающая колени, узкая облегающая юбка, почти полное отсутствие декольте и роскошный вырез сзади. Этот вырез не подразумевает белья, а потому моя весьма скромная грудь скрыта лишь плотным платьем и накладками. Моя «полторашечка» хоть и небольшая, зато очень аккуратная и отлично выглядит без дополнительной поддержки. Ощущение голой спины добавляет мне привлекательности, ровно так же, как и чулки в марте.

Только обогрев сиденья в такси спасает мою пятую точку от замерзания. Чулки и стринги плохо защищают от холод-

ного ветра. Конечно, красота требует жертв, но такая погода и подмёрзший нос заставляют меня задумываться о том, что мне уже за 30 и хотелось бы как-то плавно двигаться в сторону семьи. Ведь с карьерой у меня всё хорошо. Я бы даже сказала — прекрасно. Где-то в глубине души я представляю себя заместителем директора по инновациям, но не уверена, что это настоящая цель. Текущая позиция интересна и динамична, а новая принесла бы лишь рутинную нагрузку и скуку.

Наверное, есть смысл подумать о детях, семье, будущем... Смысл-то подумать есть, вопрос: «Как реализовать?»

Последние мои мало-мальски серьёзные отношения закончились год назад, и, если честно, по-настоящему «серьёзными» назвать их у меня язык не поворачивается. Так, что-то приличное. В течение этого года мой максимум — это два неудачных свидания. На третье меня не позвал никто либо сама я не соглашалась.

Видимо, бабушка была права, когда говорила, что с таким отношением к работе я останусь старой, никому не нужной девой. Мужчины обычно недовольны тем, что карьера занимает первое место в моей жизни. Более того, работа связана с повышенной степенью секретности, которую никуда не убрать.

Всем хочется узнать, чем я таким занимаюсь? Что за инновации? Как я вообще докатилась до такой должности? А я не могу... не могу рассказать о том, что мы делаем, пото-

му что уровень допуска у меня просто космический. Отдельный рабочий телефон, который я не выношу из здания, отдельная рабочая почта, отдельные рабочие компьютеры, отсутствие доступа к соцсетям и мессенджерам с корпоративных аккаунтов — это не сцены из шпионских фильмов, а моя ежедневная реальность. Есть, конечно, вещи, которые я могу делать на удалённом доступе на своём компьютере, но их крайне мало.

Многим мужчинам не нравится таинственность вокруг моей работы, моя скованность в рассказах о банальных для них вещах. Конечно, у меня есть заготовленные шаблоны и легенды. Широко распахивая глаза, я повествую очередному поклоннику, что мы группа энтузиастов, клепающих новинки в «китайском» стиле. Вот, например, видишь автоматическую мойку для собачьих лап — это придумали мы. И к чёрту, что эта автоматическая мойка разработана вообще не нами. Главное, что я не круче своего мужика по мозгам в этот момент. Потому что, ну, девочка же может контролировать, как придумывают автоматическую мойку, и вообще ни разу не может придумывать алгоритмы для искусственного интеллекта.

Правда, легенда становится крайне неправдоподобной, когда каждые выходные ты «немного» допиливаешь идею в рабочем кабинете. Мужчины не понимают, почему красивая девушка не перекладывает на них обязанности по расчленинке мамонтов а сама пашет на работе. В их картине мира

я сразу после их фразы про доход должна пойти уволиться и умчаться наводить красоту в салоны.

Это, кстати, ещё один пунктик. Поскольку моя работа высокооплачиваемая, далеко не каждый мой ухажёр мог похвастаться таким уровнем дохода. Тогда начинаются театральные выступления в духе: «Женщина не может зарабатывать столько денег, ты там точно ноги раздвигаешь!» или «Дорогая, у меня в машине внезапно засорились салонные фильтры, дай тысяч сто в долг, всё верну! Честно-честно». Варианты были разнообразны, но ни один из них не показался мне приемлемым.

Выходя из такси, я энергично встряхиваю волосами. Прочь негативные мысли, я приехала отдыхать!

Радостно пишу, увидев за столом подруг. Как же я по ним скучала! Тискаю худющую Нину, которая со своим графиком работы стала похожа на тень от себя. Тону в объятиях Аллы: после третьих родов к ней, наоборот, пришли лишние килограммы, округлив формы. Смотрится она при этом в своём облегающем платье с асимметричным разрезом настолько соблазнительно, что мужики за соседним столиком голову свернули, пытаясь разглядеть содержимое этого самого «разреза».

Мы смеёмся, веселимся, подруги тут же предлагают мне штрафную рюмку. Хочется избавиться от стресса и раствориться в атмосфере бара, но больше всего хочется общаться. Мы так редко встречаемся вживую! К счастью, девчонки

забронировали столик до начала музыкальной программы, и пока можно спокойно разговаривать, не перебивая друг друга.

— Ксюха, ты просто очаровательна! — восторженно ахает Алла, разглядывая меня. Она так соскучилась по живому общению не с детьми, Хвала небесам, ты избавилась от своего постоянного песочного дресс-кода! Сколько можно носить только бежевый? Если бы у тебя были дети, ты бы точно стала идеальной «бежевой мамой»!

— Давайте не будем обсуждать твоих детей? — добродушно смеётся Нина. — Мне кажется, наши встречи скоро начнут походить на собрания клуба психологической поддержки молодых мам.

— Я не виновата, что их у меня трое! — наигранно дует губы Алла, смахивая непослушную прядь с лица.

— Да ла-а-адно! — Смеёмся мы с Ниной в один голос.

— Блин, ну так получилось, — смеётся Алла с нами. Поэтому что мы все прекрасно в курсе, что, в общем-то, двое из троих детей в их семье не совсем спланированные, а слегка залётные. Это не делает этих детей менее любимыми, а их семью плохой. Пожалуй, Алка — единственный пример успешного материнства и счастливой семейной жизни среди нас: любящий муж, чудесные дети, благополучие в доме, удачная карьера между декретами. Я искренне счастлива за неё и немного завидую, о чём честно ей сообщаю.

— Боже, ну... — смущается, как девочка, многодетная

мать. — Ксюша, ты, конечно же, очень радуешь меня, но я уже хочу погулять на твоей свадьбе. Неужели нет ни одного приличного мужика на горизонте?

— Мужики-то вокруг есть, но на личном фронте глухо, — пожимаю плечами, пряча горькую улыбку за бокалом.

— Ну вот куда смотрят эти мужики? — искренне возмущается Нина. — Ты же умница, красотка, готовишь как профессиональный повар, дома чистота, мозги не делаешь!

— Да, но я слишком умная, — закатываю глаза и перекашиваю рот, изображая «умное выражение лица». Подруги хихикают над моими кривляниями. — А сейчас хочу быть слишком пьяной.

— Это только за! — подключается Нина. — Гарсон! Нам чего-нибудь улетного.

Весело смеёмся, когда официант приносит длинную линию шот-дринков, и с удовольствием опустошаем их один за другим, продолжая болтать.

— Нин, как дела с мужем? Решилась ситуация с работой? — интересуюсь после очередного шота.

В отличие от Аллы, брак Нины назвать счастливым не получается: муж у неё редкостный козёл, вечно влипающий в неприятности. Подруга вечно его спасает, а мы стараемся держать язык за зубами, уважая её выбор.

— Ну права заниматься медицинской деятельностью его не лишили, но в операционную вход закрыт. Терапию проходит, — сухо замечает подруга, не вдаваясь в подробности,

и я понимаю, что ситуация очень болезненна.

— И как он это переживает? — участливо интересуется Алла.

— Типичный малыш, у которого отобрали любимую игрушку: устраивает истерики, капризничает и требует вернуть всё обратно, — язвительно комментирует Нина, тут же переключаясь на другую тему. — Зато мне грозятся всучить отделение.

Мы поздравляем подругу с грядущим повышением, смеёмся, болтаем и пьём. Естественно, говорим о детях. У Аллы, помимо маленького ребенка, дочь учится в школе и сын — детсадовец, а это бесконечные забавные происшествия. Она не жалуется, просто подбирает для нас какие-то весёлые истории. Как старшая дочь приволокла в школу резиновую змею и пугала ею пацанов, а потом мамочки в родительском чате жаловались, что у их «корзиночек» ночные кошмары. В шестом-то классе.

Само собой, ударяемся в ностальгию: как сами в шестом классе бегали от пацанов по заброшкам. Обсуждаем, что «мужик нынче не тот» уже со школьной скамьи. Наши-то одноклассники были бесстрашными: и от собак нам помогали отбиваться, и в соседний двор за яблоками через забор прыгали, и на спор озеро переплывали. Следом обсуждаем одноклассников: кто женился, кто развёлся, у кого дети, а у кого бизнес.

— Девочки, забыла сказать, — выкладываю после очеред-

ного шота, — я наконец погасила ипотеку!

— Воу! — выдыхает Нина, а Алла просто обнимает меня.
— Повод для отдельного тоста!

С удовольствием пью, ведь моя ипотека — это притча во языцех. Я долго выбирала, долго решалась на неё, долго думала, продавать ли оставшиеся мне от бабушки участок и дом в деревне. В итоге решила на ипотеку с минимальным взносом и ни разу об этом не пожалела. Возможно, я потом восстановлю этот домик в деревне и вернусь туда, как на дачу. Я очень любила бывать у бабушки в детстве. С этим местом связаны все мои самые счастливые воспоминания.

После смерти родителей мы с бабулей перебрались в нашу городскую квартиру. Мне надо было учиться, а в районном городке возможностей было куда больше, чем в деревне. У бабушки начались тогда проблемы со здоровьем, и близость поликлиник тоже сыграла свою роль в выборе места жительства.

Городскую квартиру я продала без колебаний. Она ассоциировалась у меня с болью, утратой и одиночеством. А вот деревянный дом в деревне продать не смогла. Что-то наивное, девчачье в душе противилось этой идее. Рациональный внутренний голос долгое время сопротивлялся: рыночная стоимость участка в тех местах весьма привлекательна. Парадоксально, что впервые за многие годы чувства взяли верх над разумом. Оправдание я себе тоже нашла. Земля — это капитал на будущее. После смерти бабушки я там не была,

конечно, но дом всегда можно перестроить, а земля есть не просит — главное, исправно платить налоги.

Сейчас у меня есть собственная двухкомнатная квартира в Москве. Человек, знающий цену недвижимости в столице, вероятно, испытывает сейчас чувство острой зависти ко мне. Ради этого я, в конце концов, и пашу без выходных и отпусков. Мои квартальные и годовые премии позволили закрыть ипотеку сильно раньше срока.

— Ксюх! Ты такая молодец! — несдержанно кричит Алла. Шум в баре всё нарастает, и говорить приходится громче. — Ты всё сама. Одна. Без мужика! Я бы не смогла.

— А я бы не смогла воспитывать четырёх детей! — обнимаю подругу.

— Почему четырёх? У меня две дочки и сын, — пересчитывает на пальцах детей подвыпившая Алла.

— Да, но у тебя ещё есть муж! Его, конечно, рожала твоя свекровь, но воспитываешь-то ты! — мы снова раздражаемся дружным смехом от банальной шутки.

Коктейли и шоты радостно гуляют по нашим организмам, и мы уходим в отрыв. Наконец-то приходит диджей, который разогревает публику перед основными выступлениями. Мы с девочками уже достаточно разогреты, чтобы позволить себе танцевальный отрыв. Под нетленку на современный лад я иду в разнос. Это не совсем клуб, это всё-таки бар, но по вечерам пятницы здесь вполне отличная дискотека, и я охотно присоединяюсь к группе танцующих гостей.

Большая часть моей жизни прошла в занятиях танцами, и лишь в последнее время, после перехода на новую должность, я прекратила регулярно ходить на тренировки. Только иногда по субботам позволяю себе небольшие групповые занятия — какую-нибудь зумбу или латину, просто чтобы не заржаветь.

С первого класса я выступала в составе школьного хореографического коллектива, у меня дома валяется куча грамот за призовые места. Хотя танцы для меня гораздо больше, чем просто макулатура. Танец — это свобода движения, слияния ритма и тела. Танец — это свобода, гармония музыки и тела. Я люблю этот момент, когда движение обретает плавность, легкость, точность и ритм, объединяя мысли, чувства и энергию. Я не просто танцую, я живу. Моё тело откликается на музыкальные вибрации. Я молода, красива и энергична. Здесь и сейчас я отдыхаю.

Moscow never sleeps

Я люблю тебя

Москва

Люблю тебя

Moscow never sleeps

Мне хорошо сейчас. Сейчас я не руководитель, не Стерва Владимировна, не сука, которая не даёт людям дышать, а просто Ксюха — подружка, девушка мечты, замечательная женщина в расцвете сил, у которой всё впереди.

Я люблю тебя

Москва

Люблю тебя

Moscow never sleeps

Треки сменяются, девочки то приходят, то уходят, а я отпускаю себя, позволяя быть... быть здесь и сейчас.

Диджей закончил свою смену, сцена готовится для выступления музыкантов, и у меня появляется короткая пауза. Жадно прихлёбываю безалкогольный коктейль, по привычке проверяя телефон и зависаю на экране. Потому что там мои сотрудники — те самые, что всего несколько часов назад полировали наждачкой мне кости, обвиняя во всех грехах, — шлют смайлики, улыбающиеся рожицы и записывают видео из бара. Видео смешное и немного нелепое, потому что они, как и я, уже изрядно навеселе, при этом пытаются как-то сделать серьёзные лица. Мужики клянутся, что обожают меня, и я — лучший руководитель в мире.

В чём подвох? А ларчик открывается просто: потому что в корпоративные чаты слили информацию, что на следующей неделе всех ждёт внеочередная премия. Сама ли Кристина выложила информацию или кто-то из телохранителей — неизвестно, но как только новость попадает в официальное расписание нашего босса, в то же мгновение сплетни расползаются по всей компании со скоростью стихийного бедствия.

Пересматриваю ещё раз видео и улыбаюсь. Каким бы строгим я ни была начальником, мне нравится приносить пользу людям. Я знаю, на что они способны. Я знаю, как их

мотивировать. Я знаю, как сделать так, чтобы наш труд пошёл на пользу и нам, и компании, и обществу. По ходу, я — крутая начальница.

Сейчас я точно крута, весела и беззаботна, но марку держать надо. Печатаю сотрудникам сообщение с благодарностью и строгим наставлением быть в понедельник в офисе «стёклыми как трезвышко». Отправляю. Улыбаюсь и, допив коктейль, иду развлекаться с подругами.

Moscow Never Sleep

Интермедия 1. Рабовладелица

Тем же вечером в одном из баров Москвы

— Вань, ты ещё не расстался с барышней из бухгалтерии, которая тебе макет наш сломать поспособствовала? — издевательски спрашивает Кирилл, маленький и тощий, воплощающий в себе все мемы про компьютерных гениев. Правда, и технарь он был прекрасный: наше железо всегда было лучшим среди инновационных подразделений.

— Маруся — огненная девочка. Я с ней ещё позажигаяю! — пошловато подмигивает Ваня. Плейбой местного разлива. В офисе не осталось отдела, в котором не было бы девушки, имевшей отношения с Ваней. К его чести, всё всегда было по взаимному согласию, и расставались они чуть ли не друзьями, потому информация у ребят была всегда свежая.

— А тебе зачем? — уточняет Ваня, сделав жадный глоток тёмного нефilterованного.

— Да хотелось бы узнать масштабы премии. Насколько БигБосс расщедрился? — поясняет свой интерес Кирилл, а остальные мужики одобрительно гудят. Сидят они сегодня в семером — это основной костяк подразделения, не считая девочек-дизайнеров и Виктории Михайловны, их юриста. Девочек никогда не считали: они у них были нежные создания и в такие бары не ходили. Им нужны были фотогеничные локации и дизайнерские решения, а не простень-

кие пивнушки с крафтовым пивом. А Виктория Михайловна признаёт только крепкие напитки и каждую пятницу помогает с внуками.

— А-а-а, так это я уже знаю! — машет рукой Ваня и, нагнетая интригу, ещё раз жадно припадает к своему бокалу. — Как квартальная. У нас нынче две квартальных премии.

— Ничоси... — выдаёт Евстрат. Остальные позволяют себе куда более яркие и менее цензурные эпитеты. Две квартальных — это почти как зарплата за полгода без премий.

— Здорово, мужики! — на свободное место на скамейке у их большого столика плюхается Серёга, тестировщик из второго инновационного подразделения. Бар этот имеет удачное расположение, и по пятницам тут бывает много народа из их офиса. Сегодня в разных частях заведения отдыхали сотрудники всех трех инновационных подразделений.

— Ну здорово, коль не шутишь, — за всех отвечает Саныч, один из старейших аналитиков.

— Давайте за вашу новую премию! Вы круты! — Серёга тянется своим бокалом к центру стола, и все дружно поддерживают тост. Внеплановая премия — отличный повод накачать.

— Я, правда, не представляю, как вы с этой Стервой вашей Владимировной работаете, — продолжает сразу после немаленького глотка алкоголя Серёга. Его абсолютно не смущает, что никто за столом в диалог с ним не вступает. — Она же маньячка какая-то в работе.

— Отлично мы с ней работаем, — миролюбиво, но без улыбки осаживает коллегу Ваня. — Вот видишь, премии внеплановые получаем.

— Ой, премии — это, конечно, хорошо. Но ходить под такой сукой... Она с вами как тренер сборной перед Олимпийскими играми: быстрее, выше, сильнее и всё строго по команде... и всё по свистку... как у этих... дрессировщиков, во! «Упали, мальчики! Подпрыгнули!» — Сергей распаляется всё больше, размахивает руками, самодовольно смеётся над своими метафорами и не замечает, как атмосфера за столом густеет.

— Уймись, Серёга! — одёргивает парня Кирилл. — Тебе же сказали: нормально мы работаем.

— Да это у вас как там... Стокгольмский синдром. Во! — не следует доброму совету Сергей. — Она вас взяла в рабство, а вы привыкли и всё ей прощаете.

— В рабство, говоришь? — лениво протягивает Саныч. — Ксения наша Владимировна, может, и стерва редкая, вот только далеко не сука. Никто у нас с температурой сорок на работе не пашет и с нервным срывом в больничку не отъезжает. Она не чурается сама встать с нами в работу — на минуточку, на любую позицию: хоть аналитика, хоть технаря, хоть тестировщика. А дизайнеры вообще обожают её профессиональные советы. Не ворует наши идеи, выдавая за свои, прикрывает жопы перед начальством, а иногда и жёнами-подругами. А то, что пахать заставляет до седьмого по-

та... Так если нас не заставлять, мы все сроки просрём и без работы останемся. Поэтому возьми-ка ты, Сергей, своё ценное мнение и иди рассказывай его своему отделу или сразу подразделению, а нам эту ссанину в уши не лей.

Серёга, не ожидавший такого отпора, молча пересаживается за свой столик, где уже через пару минут что-то яростно рассказывает коллегам. Очевидно, что не только Ксения у них стерва, но и подчинённые её такие же. Хотя Саныч в своей речи прошёлся по всем косякам руководителей других инновационных подразделений. Несмотря на то что фирма у них была огромная, слухи, а уж тем более негативные, позволяли знать о руководителях всё. И если их Ксению считали стервой и рабовладелицей, то СанСаныч, руководитель третьего подразделения, ворует идеи у своих же людей, зарабатывая очки в глазах начальства. А Артём Игнатыч, руководитель того самого Серёги, не признаёт болезни, заставляя людей работать даже из больницы, и сам всегда путает сроки, а потом гнобит подчинённых.

— А давайте Ксении Владимировне видос запишем с благодарностью? — предлагает Евстрат. — Ну кружочек?

Его предложение разбивает липкую атмосферу за столом. Каждый переваривал диалог с Серёгой. Однако идея, приправленная изрядными порциями алкоголя, всем нравится, и они, старательно делая трезвые лица, пишут «кружочек» начальству.

Глава 3. Цыганская страсть

Музыка: «All Around The World» (La La La) (R3HAB, A Touch Of Class),

«I Like to Move It Twister in Moscow Edit» (Funky Animal),

«U Can't Touch This A.R. Remix» (MC Boy, A.R.)

Вдруг я чувствую на своей талии уверенные мужские руки. Горячие, но деликатные. Поворачиваюсь в танце, чтобы рассмотреть очередного наглеца. Такой формат знакомства частенько встречался в клубах, а вот в барах — почти никогда. Всё же сюда народ чаще приходит компаниями.

Сзади за мной пританцовывает просто ро-о-оскошный красавчик. Выворачиваюсь из соблазнительных рук и, не успев отойти подальше, совершаю фатальную ошибку — смотрю в эти развратные глаза. Раз — и я пропала. Будто мышка, загипнотизированная удавом, зависаю, вглядываясь в непроглядную тьму дьявольских глаз.

Моя бабушка, когда я была маленькой, любила смотреть по телевизору какие-то сериалы: «Кармелина», «Мармеладина» — что-то там такое, про цыганскую страсть. Там всегда был такой герой — горячий: с небрежно постриженными вихрастыми волосами и дьявольски соблазнительными чёрными глазами. Сейчас бы я сказала, что эти глаза обещают тебе все пороки мира. А тогда, будучи ещё совсем молоденькой, я точно знала: взгляд таких глаз — это нечто суперпро-

никновенное. Порочное. Опасное.

И вот сейчас, глядя на этого очаровательного наглеца-соблазнителя, который в этот момент улыбается мне слегка загадочно, я понимаю: да вот она — та самая цыганская страсть. Страсть, что, лишь мазнув по тебе, сжигает всё до остова. Хищный, высокий, красивый, статный, одет дорого, движется грациозно.

Где-то есть подвох! Точно должен быть. Не может мне в жизни так повезти, чтобы я в вечер, когда собралась отдыхать и отрываться в баре, забив на всё, встретила нормального мужика.

Он альфонс!

Сидит на содержании у мамы, бабушки или тётки. Нужно подчеркнуть.

Что ещё может быть?

Алкоголик? Абыюзер? Женат? Чего там ещё не было в моём списке? Кажется, я собрала уже все мужские грехи, какие только существуют. Чего там не хватает для получения титула «Одиночка с кошками»?

Не знаю. С каждой секундой я тону в мужском взгляде всё больше. Вязну как муха в мёде. Соображать всё труднее. А мы ведь даже не танцевали толком — лишь встретились глазами.

— Привет, — опалает моё ухо жаркий шёпот.

— Ну, привет, — говорю и заигрываю с ним движениями танца. А как с таким не заигрывать? Все мои доводы разума,

все мои набитые шишки с миллионом мужских недостатков разбиваются о томный страстный танец.

Мы танцуем.

Долго, проникновенно, не замечая никого вокруг. Давно у меня не было такого партнёра по танцу. Этот демон страсти будто считывал мои мысли, двигаясь уверенно, изящно и властно. Так могут только танцоры. В его движениях нет развязности подвыпившего самца, как и нет скованности брутала, что вышел на танцпол случайно. Он знает, чего хочет и как добиться этого от партнёрши.

Мы танцуем.

Долго и страстно, забыв обо всём.

— Потеряли... девчонку? — смеётся Алла, приобнимая меня за плечи, когда я подхожу к столику, чтобы вместо коктейлей выпить обычной минералки. Пожалуй, алкоголя на сегодня хватит, а то и так мозги уплыли в дальние дали.

— Ага! — поддакивает Нина. — Пора вызывать пожарных! Кто-то скоро спалит этот бар своей страстью.

— Да ну вас! — отмахиваюсь, пряча смущённую улыбку за бокалом. А сама ловлю горячий взгляд незнакомца. Он тоже пьёт воду за столом с какими-то парнями. Салютует мне бутылочкой, а я краснею, как пионерка.

— Ксюш! Расслабься, — пьяненько хихикает Нина. — Выключи рабовладелицу и просто отдохни. Давай ещё по одному?

Она кивает на оставшиеся шоты, а я лишь качаю головой.

Нина кивает на оставшиеся шоты, а я лишь качаю головой.

— Пожалуй, мне сегодня хватит. Я хочу уйти на своих ногах и точно не оказаться в койке этого красавчика.

— Уверена? — подмигивает Алла.

А мы опять танцуем. Красавчик, не теряя времени, набирает обороты — обнимает меня в танце, а я позволяю. Потому что уже истосковалась по этому чувству — мужчины рядом. По силе крепких рук, что бережно меня обнимают. По прерывистому, возбуждённому дыханию. По мурашкам, бегущим по коже табунами.

Давно, чертовски давно со мной не было рядом такого мужчины. Год, наверное, может больше. Потому что последние мои условно нормальные отношения были весьма не условно никакими в постели. А прикосновения мужчины миллион лет не дарили мне столько жара даже в самые пиковые моменты. Сейчас мы просто танцуем. Ладно, не просто. Страстно танцуем, а ощущение будто уже в процессе. Жарком процессе другого извечного танца мужчины и женщины.

Хотя, возможно, это говорит алкогольный бред.

Мы танцуем, а время уже перевалило за полночь. Бар скоро закрывается, и пора бы расходиться. Алла уже убежала к своим детям, потому что сверникровь её уже успела встряхнуть душу из всех домочадцев. Потом нервно срывается домой Нина: её холерично-истеричный муженёк опять требует внимания.

И в переполненном баре я остаюсь один на один с очаровательным незнакомцем. Впрочем, таким он перестаёт быть очень быстро.

— Яков, — выдыхает он в очередном танцевальном заплыве.

— А я... Секретик, — игриво хохочу. — Угадай, как меня зовут?

В его чёрных колдовских глазах мелькают искры, и мы начинаем увлекательную игру в «горячо-холодно»: имена, танцы, прикосновения. «Ксению» он угадывает раза с двадцатого. К этому моменту бар уже готовится к закрытию, посетители расходятся, а мы не готовы обрывать этот вечер так внезапно.

— Ксюша, а пошли гулять? — предлагает соблазнитель, когда мы двигаемся к выходу.

Разгорячённое тело опалает прохладная мартовская ночь. Воздух Москвы так манящ и соблазнителен — не меньше, чем красавец рядом со мной. Соглашаюсь, и мы отправляемся гулять по ночному городу.

Когда я в последний раз гуляла по ночной Москве? Когда была студенткой. Наивной и глупой провинциалкой, что верила в любовь раз и навсегда. А потом узнала, что стала предметом банального спора на «кто первый завалит».

Вот только сейчас я всего этого не помню. Мой разум разгорячён алкоголем, жаркими танцами и откровенно потёк. Рядом абсолютно сумасшедший мужчина.

Свежий воздух, весенняя погода. Атмосфера беззаботности и куража. Мы идём и легко болтаем, перескакивая с темы на тему, дополняем друг друга, будто читая мысли. Откровенничаем и флиртуем на грани дозволенного. Эффект попутчика просто отключает всю осторожность во мне. Такое ощущение, что я знаю этого мужчину всю жизнь.

— Сегодня диджей отработал отлично. Обработка «La-la-la» и «I like to move it» — непривычная, но очень интересная, — Яков, помогая перейти дорогу, берёт меня за руку и больше не выпускает.

— Да-а-а, а мне ещё понравилась версия «Can't Touch This», — окидываю спутника откровенно поплывшим взглядом. Давненько мои вкусы в музыке ни с кем не совпадали. Девчонки выбрали более «классические» треки, а я — за ремиксы, современную обработку, клубную музыку. Не только, конечно, но когда иду в отрыв — обожаю.

— В целом, мне зашли и диджей, и группы у них. Хороший бар, хотя я не особо тусовщик. Друзья затащили. — Впервые за вечер мы говорим не языками тел и взглядов, а словами. — У приятеля университетского день рождения отмечали.

— А ты вместо поздравлений провёл вечер со мной? — игриво стреляю глазами.

— Не удержался. Как увидел тебя в этом отвратительно роскошном алом платье, не смог уже остановиться. Ноги сами вынесли на танцпол, а как разглядел твою спину, так и

руки подвели. — Голос моего спутника проседает, в нём появляются вибрирующие нотки.

А ещё там играет миллион эмоций. Все такие горячие, будто осязаемые, но я выворачиваюсь из объятий, что пытаются стать жарче, и слегка перевожу тему.

— Ты где-то занимался танцами? — спрашиваю, отбегая и разворачиваясь спиной вперёд. Любуюсь своим спутником.

— Занимался, — хищно улыбается Яков.

— А где? — будто невинно прикусываю нижнюю губу.

— Студия современного танца, — зеркалит мой жест, и в животе у меня взлетают игривые бабочки. — Родители в детстве засунули, подростком сбежал, но вот — пригождается.

Яков делает рывок вперёд и притягивает меня к себе.

— Упадёшь! — выдыхает прямо мне в губы и кивает назад. Поворачиваю голову, с трудом преодолев притяжение отвратительно ярких для мужчины губ, и вижу высокий бордюр.

— Упс! — мягко выворачиваюсь из жарких рук.

Мы болтаем и флиртуем. Я будто встретила соседа из детства. Парня, с которым вместе росла и тайком глотала слёзы, когда он внезапно уехал и потерялся. А спустя много лет встретила вновь, и будто не было расстояния и времени. Яша — тот самый парень. Он любит ту же музыку, дуреет от танцев, горит работой.

Ночь кажется бесконечной...

Глава 4. Как в старом кино...

*Музыка: «I Wanna Be Loved By You Remastered»
Marilyn Monroe*

— Я чувствую себя героиней Одри Хепберн в «Римских каникулах», — говорю в сердцах, когда гуляю по парапету, как маленькая девочка, а мой спутник галантно держит меня за руку, периодически подхватывая мою пьяненькую тушку.

— Ты смотрела «Римские каникулы»? — удивляется Яша, как он попросил себя называть, после очередной нашей общей потери во времени. Каждый раз, когда мы всматриваемся в глаза друг друга, весь остальной мир перестаёт существовать. Его порочный, обжигающий, манящий взгляд будто пленяет меня. А я — как мотылёк — лечу в это пламя.

— О! Я обожаю «Римские каникулы»! Это мой лучший антистресс, сразу после «В джазе только девушки»! — захлёбываюсь от восторга. — Я каждый раз хохочу от водительского таланта Анны! Кстати, я вожу примерно так же, хотя права у меня есть. А вот на финальных сценах рыдаю, как маленькая девочка.

— М-м-м, — задумчиво тянет Яша. — Это отличная новость.

— То, что я рыдаю над фильмом? Это отличная новость? — строю притворно оскорблённую морщку.

— Нет, это трогательно. А вот то, что ты любишь старые американские комедии, — прекрасно! — сверкает он своими развратными глазами.

Ловит мои замёрзшие ладошки и греет своим дыханием. Я, слегка пошатываясь, стою на бордюре, поэтому мы одного роста. Наши лица непозволительно близко, а его дыхание не только греет, но и запускает в теле однозначные химические реакции.

— Я знаю, где мы можем погреться, — мужской голос с трудом пробивается сквозь дурман в моей голове. Я пропускаю мимо ушей всё, что он говорит, замороженная реакцией своего тела на мужчину.

— Что? — Мне сладко-сладко, как было очень давно, до всех разбитых надежд и пролитых слёз.

— Я знаю, где мы можем погреться, — повторяет Яша и улыбается так сыто-пьяно, будто точно знает, что творится у меня внутри.

Кабелище. Улыбаюсь ему и молча киваю. Не строю иллюзий на будущее. Вряд ли эта «цыганская страсть» со мной больше чем на пару вечеров. Такие лощёные мужчины редко про «долго и счастливо». Они ещё не нагулялись. Лет десять ещё будут просто «кошками гулящими».

Вместо такси Яша находит где-то круглосуточный прокат электромопедов, и мы едем по ночной Москве. За руль меня не пускают. Мой кавалер бережно застёгивает шлем на мне. Эта забота прошибает покруче горячих взглядов. Про-

сто вскрывает все мои защитные бастионы, которые я годами возводила в своём подсознании. Я сейчас такая девочка-девочка. Наивная и невинная.

— Вождение Анны очаровательно только в фильме, — шепчет Яша мне на ухо, обнимая меня и запуская сонмы мурашек по спине. — Я хочу продолжить эту невероятную ночь с тобой, а не мчаться в травмпункт.

Он абсолютно прав: за руль даже мопеда со скоростью не больше сорока километров в час мне нельзя. Зато можно кайфовать от сильного мужского тела за спиной. Такого жаркого, что согревает меня целиком.

Мы достаточно быстро приезжаем в какое-то антикафе или творческое пространство. Сегодня здесь ночь кино: до самого утра нон-стопом крутят комедии.

Когда мы входим, на экране сверкает прекрасная Мэрилин. А я сверкаю своими голыми коленками — вместо сидений тут кресла-мешки, и вечерние платья однозначно не одежда для таких посиделок. Но мне плевать.

Плевать, потому что мне чертовски хорошо. На часах уже глубокая ночь, а я с кучкой таких же ненормальных хохочу над Джерри в образе Дафны. Просто до слёз наслаждаюсь легендарным: «Ну и что? У каждого свои недостатки!».

В очередной раз восхищаюсь выступлением Душечки. Я знаю судьбу Мэрилин и сколько ей стоили эти сексуальные образы в кадре, но... здесь она абсолютно очаровательна. «I Wanna Be Loved by You» — это уже не просто классика. Это

легенда. Сегодня все ругаются на цензуру, а попробуйте так обыграть полностью одетую актрису, будто она там в одних пэстисах¹.

Мне нравится атмосфера просмотра: попкорн, напитки, мороженое. Лёгкие зрители, никто не шикает, когда ты абсолютно неприлично хохочешь над очередными приключениями Дафны и Джозефины.

Не понимаю, куда делось моё чувство самосохранения. Почему я вообще согласилась куда-то идти и тем более ехать с парнем из бара, но в моменте мне хорошо. Все тревожные мысли пролетают и ускользают. Я, наконец, не всемогущая начальница, а просто девушка. Слегка пьяненькая и немножко влюблённая... Как минимум в эту жизнь.

Москва никогда не спит. Мы на улице, ждём такси, а машины мчатся, как будто уже день. Разве что пробок таких нет... пока... Наверное, в каком-нибудь провинциальном городе такое движение бывает в час пик, а здесь ещё даже не утро. Огни горят, и на улице светло. Я уже и не помню, когда наслаждалась полноценной ночной темнотой. В столице — это непозволительная роскошь.

Улыбаюсь: алкоголь почти выветрился, а похмелье ещё не пришло. В теле — лёгкость и воздушность. Подкрепляют волшебные ощущения горячие взгляды Яши. Всю ночь он вёл себя весьма галантно. Да, флиртовал, даже позажимал

¹ Это самоклеящиеся наклейки на соски, которые носят поверх груди как элемент эротического образа, костюма для шоу, белья или фотосессии.

слегка, но всё в пределах допустимого. Никакой пошлости.

— Просто поразительно, как всё совпало! Если бы мы не познакомились сегодня в баре, я бы решила, что ты всё подстроил! — делюсь впечатлениями от вечера, и мне кажется, что в глазах моего спутника, которые я тщательно высматриваю в ночном сумраке, мелькает какой-то странный огонёк. Будто хищник на охоте. Тень мелькает и исчезает. А может, и не было её вовсе? Может, это просто блики уличных фонарей?

— Это просто судьба, — не пафосно, а как-то буднично констатирует Яша. — Если бы не сегодня — значит, завтра, через неделю или через год. Но мы бы обязательно встретились.

— Почему ты так уверен? — немного тушуюсь я.

— Настолько близкие по духу люди просто не могут существовать в параллельных вселенных.

Рядом тормозит машина такси, и Яша уверенно притягивает меня к себе, властно целуя. Этот поцелуй не нежный и робкий. Он властный, страстный и сносящий всё на своём пути. У меня нет шансов остаться равнодушной. Отвечаю на поцелуй с той же страстью и напором.

Поцелуй как начался стремительно, так же и закончился. Мы притянулись друг к другу, как разноимённо заряженные, а разлетелись — будто самые близкие частицы. Между нами искрит, будто от сломанной динамо-машины.

Тяжело дышим и смотрим друг на друга ошалевшими гла-

зами. Вселенная вновь распадается, а время останавливается.

— Напиши, как будешь дома, — первым приходит в себя Яков и галантно открывает мне дверцу машины.

Я лишь киваю и машу рукой. На большее сил нет. Я... разочарована? Во мне сегодня столько эмоций, но осадок такой, будто мне кончить не дали в секунде от финиша. Почему он не предложил поехать к нему или ко мне? Я бы, конечно, отказалась, но сам факт. Или всё напряжение мне просто показалось?

Всю дорогу до дома я кручу в голове наш вечер и пытаюсь понять: где ошиблась? Что пошло не так? Почему он так холодно попрощался?

По телу то бегут токи нашего поцелуя, то вспыхивают фантомные ощущения его рук в танце, то возвращается искристый восторг от поездки на мопеде. Мысли крутятся, крутятся — и неизбежно задают вопросы.

Ему не понравился поцелуй? Или я сама? Что его обломало?

А как вечер должен был закончиться, чтобы меня всё устроило?

Он должен был позвать на свидание?

Ведь он проявил заботу, попросил написать...

Вопросы... вопросы... одни вопросы.

Ещё во время просмотра кино мне казалось, что я приеду домой и сразу вырублюсь, но...

Стоит мне пересечь порог квартиры, как я хватаюсь за телефон и пишу новому контакту, что добралась и всё хорошо. Благодарю за чудесный вечер В ответ прилетает сухое: «Ок» — и абонент больше не в сети.

прилетает сухое: «Ок» — и абонента больше нет в сети.
«Ок»?

Просто «ок»?

Сон покидает меня так же стремительно, как Яков — сеть.

Глава 5. Паранойя

Музыка: «Солнечные зайчики» (5УТРА)

— И чё, и чё? Неужели ты не потрахалась с этим Будулаем? — тараторит в ухе Нина.

Я бегу на работу и болтаю с подругой. Настроение такое весеннее-весеннее, что на мне вместо традиционного бежевого — зелёный костюм. Зелёный! Он такой в моём гардеробе всего один.

— С Яковым, а не с Будулаем! Откуда только имя такое взяла? И нет! Не потрахалась. Мы гуляли по ночной Москве, болтали, смотрели «В джазе только девушки» и разъехались по домам, — отвечаю с улыбкой.

— Серьёзно? — удивляется подруга. — Может, он импотент? Это же ненормально — не уложить тебя в постель! Ты в том красном платье была просто как ходячая секс-бомба.

— Знаешь, я сначала расстроилась. Понятно, что не согласилась бы, но отсутствие попытки больно ударило по самолюбию. Но... Ну, мне импонирует это. Если бы сразу в койку, то что — пара вечеров и «адъёс»? Я так не хочу. В кои-то веки нормальный мужик.

— Ну так-то ты права. Но точно не импотент? Знаешь, это сейчас просто бич молодых мужиков... — Нина села на любимого медицинского конька.

— Да нет! Всё у него там... живое! Пока он меня тискал,

всё отлично чувствовалось! — краснею, как девочка-припевочка, потому что вспоминать объятия Яши чертовски приятно. Сразу знакомо тянет во всём теле. Хочется уже хорошего мужика.

— Ну ладно... Главное, чтобы не «оказалось — показалось»! — смеёмся дружно.

— Ой, Нин. Я сглазить боюсь. Я ведь тогда после этого «ок» так расстроилась. Часа два уснуть не могла и даже когда проснулась, всё в голове крутила. А потом он написал, что просто уснул, и мы весь остаток субботы чатились.

— Ты сейчас такая ванильная, что аж завидно, — Нина полна ехидства, но медики часто ядовиты, да и характер у неё врождённый. Я привыкла за годы дружбы — уже не обращаю внимания на лёгкие и не очень уколы. Тем более что тут она права.

— Веришь, самой противно! Но мозг просто отключается. Особенно после вчерашнего свидания.

— Та-а-ак... То есть субботней перепиской вы не ограничились? — любопытство подруги зашкаливает, и я выдаю всё как на духу.

— Да! Он вчера повёл меня в музей игровых автоматов. Представляешь?

— Тот самый, куда ты нас три года не могла затащить? Потому что Алке некуда было деть детей, а мы хотели развлекаться по-взрослому?

— Да! В тот самый! Он просто мои мысли читает! Я пила

газировку родом из фильмов моей бабули. Я играла в «Морской бой», «Снайпер». Ой, а «Баскетбол»! Это же просто какая-то фантастика! Я так смеялась: там же ничегошеньки не получается, как задумано. Яша меня сделал в сухую просто! А «Репка»! У меня до сих пор мышца болит, а я даже до «Жучки» не дотянула!

— Стоп-стоп-стоп! — тормозит мой поток восторгов спокойная подруга. — Прекрати материться с эмоциями куклы Барби. Я поняла, что музей крутой и туда-таки надо дойти, но что с самим Яшей?

— С Яшей? Страстные поцелуи, километровые переписки и договорённость об ужине вечером, — лепечу влюблённой дурёхой.

Больше Яша не пропадал, на сообщения отвечал. За первый вечер извинился — сказал, что вырубился сразу, как пришёл, и ответил на автомате. Меня царапнуло, но быстро отпустило. Эмоции от музея смыли все остатки горечи, как мартовский дождь — пыль с улиц.

— А на ужин-то успеешь? — возвращает меня на бренную землю Нина. Хмурюсь невольно.

— Должна. Сама понимаешь: на работу я не забуду, но сделаю всё, чтобы успеть.

— Ну-ну! Ладно, я добралась. Давай, на связи!

Прощаюсь с подругой уже на подходе к нашему офису. В здание захожу с небывалым подъёмом, пролетаю охрану и сразу забегаю в отдел собственной безопасности — оставляю

запрос. Оставляю запрос и поднимаюсь к себе в подразделение. Впереди насыщенный день. Надо всё успеть.

— Прости-прости! — вылетаю с работы почти в семь часов и тут же попадаю в горячие объятия Якова.

— Да ничего страшного. — Коротко целует меня мужчина, берёт за руку и ведёт по широкой улице. — Я всё прекрасно понимаю. Работа — это важно. Тем более в такой крутой компании.

— Ну, наша компания, конечно, крута, но ответственно надо работать в любой организации. Независимо от бренда или масштаба, — понимаю, что занудничаю, но давно перестала скрывать эту свою черту от мужчин. Они должны знать товар «лицом», так сказать. А то потом всплывают претензии: «Я думал, ты блондинка, а ты ещё и думать умеешь!».

— ЕНТех не просто крута! Она, если не ошибаюсь, лидер отрасли? — Мы разговариваем на ходу, и я не вижу выражения лица Яши, но звучит он ненавязчиво.

— Не знаю, я не слежу за такими вещами, — беспечно пожимаю плечами и перевожу тему. — А куда мы идём?

— К метро. Ты же не против? — Яша сбавляет шаг и заглядывает мне в лицо, выискивая там недовольство. — Я просто хочу прогуляться с тобой, а потом посидеть в одном чудесном местечке. У них такое роскошное коктейльное меню, что я не готов отказаться от этого удовольствия.

— Ой, нет-нет. Метро так метро. Я абсолютно не против.

На поездку, вместе с пересадкой, уходит минут пятнадцать, а потом почти час гуляем по Нарышкинскому скверу, где совершенно неожиданно выясняем, что оба обожаем Высоцкого.

— Откуда такая любовь к Высоцкому? — интересуется Яша. — Мне показалось, тебе по душе что-то... ммм... полегче.

— Так и скажи: «клубняк», — смеюсь, легко шлёпаю его по предплечью, за которое крепко держусь во время прогулки.

— Ну да, — слегка смущается мой спутник.

Любуюсь Яковым. Ему удивительно идёт офисный стиль. Костюм-тройка в крупную клетку идеально сидит по фигуре, а насыщенный синий цвет подчёркивает его слегка восточную внешность. Мысль про цыганские корни всё чаще посещает меня. Уж слишком непривычно Яша красив. Спросить напрямую пока стесняюсь, боюсь показаться невежливой.

— Ты удивишься, но Рахманинова я тоже люблю. И знаю не только «Рапсодию на тему Паганини», хотя она мне очень нравится, — возвращаюсь к разговору и продолжаю шокировать спутника, указывая рукой на памятник, мимо которого мы как раз проходим.

Мне нравится наша прогулка. Погода отличная, беседа неспешная, спутник прекрасен. В погоне за результатами на работе я порой забываю, как многое теряю.

— Ого, откуда такой разброс? — А ещё мне нравится, как

я интересна Яше. Видно, что он задаёт вопросы не для поддержания светской беседы, а из искреннего любопытства.

— Ну, самое простое — это как раз «клубняк». После школы я не могла, да и не хотела профессионально заниматься танцами, поэтому единственный способ почувствовать тот драйв, который раньше ловила на соревнованиях, — это клубы. Ну и соответствующая музыка, — пока рассказываю, наслаждаюсь моментом. Как губка впитываю атмосферу. — В школе у нас была очень талантливая учительница музыки. Она любила творчество как таковое. А когда человек горит — он зажигает всех вокруг. Мы слушали классику, обсуждали, спорили, ездили на концерты. Приносили ей современные песни, и она не отмахивалась в стиле «раньше было лучше», а обсуждала их с нами. Что-то даже наигрывала на пианино. Ну а Высоцкого очень уважала моя бабушка, поэтому мне он достался по наследству.

Разговоры о бабушке всегда сопровождаются лёгкой грустинкой. Я её обожала, но боль от потери единственного близкого человека — как тонкая игла, наполненная ядом, — медленно отравляет меня изнутри. Я не лью бессмысленных слёз каждый день, даже в памятные даты не впадаю в депрессию или апатию. Я просто ношу эту боль с собой. День за днём. И знаю, что в этом мире у меня есть только крайне самостоятельные подруги. Быть одинокой сложно. Маскировать одиночество под свободу легко, куда проще, чем врать самой себе.

Похоже, Яша замечает моё состояние: его вторая рука нежно накрывает мои пальцы — и меня простреливает ощущением тепла и близости. За наше короткое общение я уже не раз отмечала какую-то животную чуткость у Якова. Он мгновенно улавливает смену настроения по едва заметным нюансам. Это неожиданно... и приятно. Меня вновь будто волной тепла окатывает изнутри. Может, вот он — мой шанс?

— А ты в курсе, что вот на той стороне дороги рядом стоит памятник Жеглову с Шараповым? — переводя тему, он небрежно машет куда-то вправо.

Я подхватываю разговор и, обсуждая классику советского кино, мы незаметно приходим к небольшому кафе. На улице стоит чудесная погода, и мы располагаемся прямо на улице. Оглядываюсь, проникаясь атмосферой места. С удивлением понимаю, что мне комфортно. Да, столики стоят достаточно плотно, но занятость неполная и вполне можно нормально разговаривать. Интерьер вокруг простой, но изящный, что-то на итальянский манер. Если закрыть глаза и пофантазировать, можно ощутить себя где-то на берегу Средиземного моря.

— Бывала тут? — спрашивает Яша, когда нам приносят напитки.

— Нет. Я, знаешь, редко хожу в новые места. Обычно выбираю пару-тройку любимых и ищу что-то новое, только если там портится кухня или обслуживание, — пробую своё

лимончелло. Лёгкая горчинка с газами слегка обжигает язык. После метро и прогулки очень хочется пить, поэтому не замечаю, как выпиваю почти половину бокала.

— О! Звучит как вызов! Мне есть что тебе показать! — фраза Яши звучит так двусмысленно, что внутренности скручивает в приятном ожидании. Он просто обязан оказаться нормальным любовником... на отличного я не рассчитываю, хотя бы просто нормальным.

— Доверюсь тебе! — мягко улыбаюсь и делаю ещё один глоток горько-сладкой прелести. Увлекаюсь и допиваю бокал. Вкусненькое. Я не фанат лимончелло, слишком специфичный вкус для меня, но местное — прямо на высоте.

В глазах Яши вспыхивает та самая чарующая страсть, поглощающая и порабащаящая меня. Сознание внезапно плывёт, и я почти не слышу, что говорит мужчина напротив, лишь слежу за его губами, представляя, с какой радостью сейчас целовала бы их. Встряхиваю головой. Озабоченная какая-то!

— Ты, кстати, знаешь, откуда взялось 32 мая? — спрашивает Яша.

Отрицательно качаю головой. Я сейчас имя-то своё с трудом вспомню, не то что «Мюнхгаузена». Не понимаю, что со мной. Да, красивый мужик. Обходительный, вежливый, с бабами в соцсетях не замечен. Каюсь, на выходных провела собственное расследование по фото и другим исходным данным.

Хороший экземпляр, как сказала бы Нина, но так течь от него? Причём головой? Что-то странное для меня.

Внимательно прислушиваюсь к своим ощущениям, делая вид, что слушаю Яшу. Пульс повышен, лёгкая испарина, голова теряет контроль. Может, конечно, зря бахнула бокал алкоголя на голодный желудок? Впрочем, мой организм удивительно устойчив к спиртному. Хотя... всё может быть. Предпочитаю пить только проверенные напитки, потому что на незнакомые бывает головная боль или сонливость. Вот именно — головная боль или сонливость, а не потеря контроля!

— ...Так вот, в фильме Мюнхгаузен оформляет развод и подписывает документы 32 мая, — какая-то часть мозга слушает рассказ Яши, но мне всё сложнее концентрироваться. Максимально незаметно массирую виски и улыбаюсь, силой заставляя себя слушать спутника. — Все в шоке и ужасе. Нет такой даты. А этот фантазёр объясняет, что в календарь закралась ошибка. За тысячи лет накопилось лишних часов, минут, секунд... И вот — набрался лишний день. Он и есть — 32 мая.

Напряжённо смеюсь, вспоминая фрагмент из фильма. Фильм-то смешной, а вот моё состояние мне не нравится. Я всё больше залипаю на внешности Яши, на его ярких и пухлых губах. Почти не слышу слов, зато движения губ становятся будто гипнотическим маятником.

Они открываются и закрываются, демонстрируя мне идеальные белые зубы, которые точно регулярно встречаются со

стоматологом. Красное и белое, белое и красное. Красиво. Я помню вкус этих губ: горький, как хороший виски, и терпкий с кислинкой, как ещё не до конца спелая чёрная смородина.

Встряхиваю головой. Со мной так уже однажды бывало. В общежитии на вечеринке случайно хапнула чужой бокал, а там был «допинг» для расслабления. Отвратительная практика тогда ещё бытовала среди студентов. К счастью, регулярные рейды полиции прикрыли такую возможность. На следующее утро я впервые познала полноценное похмелье. Смесь алкоголя и всяких стимуляторов для моего организма — всё равно что деревенский палёный первач, даже хуже. Напрягаясь, заставляю себя возвращаться из мыслей.

— И они название дали в честь фразы из кино? — спрашиваю с наигранной лёгкостью.

— Ну, есть «учёные», которые доказывают реальность теории Мюнхгаузена. Что-то там про астрономическую и атомную секунду. Я, честно говоря, в этом не разбираюсь.

Лишь мило улыбаюсь и выгоняю из головы все свои знания по хронологии и астрономии. Благо расслабленный мозг радостно притворяется тупеньким. Быть занудой хорошо, но в меру. Не хочу ущемлять виртуальные яйца мужику, который мне «зашёл». Вот только понять бы теперь: он мне сам зашёл или тут без химии не обошлось?

— Прости, прогуляюсь до уборной, — стремительно встаю и отправляюсь в туалет.

Чутко пытаюсь прочувствовать всё тело. Ловлю все сиг-

налы. Головокружения и потери ориентации в пространстве — нет. Просто какое-то гипнотическое влечение к Яше. Ну не мог же он мне подсыпать что-то в бокал? Он же не такой!

Дьявол! Откуда, собственно, я знаю, какой он? Может, какой-нибудь клофелинщик? Ну или что там используют мошенники в двадцать первом веке?

Хотя как? Официант подал бокал лично мне, и из рук я его не выпускала.

Сговор с официантом? Уже складывается теория заговора. Вряд ли возможность уложить меня в постель стоит таких усилий.

Брызгаю на лицо водой, тщательно растираю холодными пальцами виски. Взгляд сфокусированный, зрачки чуть расширены, но не больше, чем после обычного насыщенного рабочего дня в офисе. После воды мне вроде становится легче, но Яша всё ещё кажется СВЕРХ привлекательным.

Пару минут смотрю на своё отражение в зеркале, мысленно решаю дилемму: стоит ли прочистить организм от греха или пусть так. Ладно. Не буду нагнетать. Завтра с утра заскочу в лабораторию и сдам анализы. Так, для очищения совести.

Выхожу на улицу, и в голову ударяет прохладный весенний воздух, освежая и вытесняя лишние мысли.

Яша галантно встаёт и отодвигает мне стул.

— Вот, взял у официантов, уже прохладно, — заботливо кутает меня в тёплый плед.

Голова моя, конечно, всё ещё слегка шумит, но никаких внезапных «вертолёт»». Галантный кавалер, чуткий и внимательный, способен привлечь моё внимание и без допинга. Просто стоит быть осторожнее с незнакомым алкоголем. Уже не девочка всё же, на голодный желудок пить.

Беспечно отбрасываю тревожные мысли, наслаждаясь вечером и спутником. В конце тихо радуюсь, что он заказывает два разных такси. Правда, сладкий поцелуй на прощанье сильно смазывает эту радость.

Вот что за женская сущность?

Не поехал со мной? Выдыхаю, значит, зря подозревала.

Не поехал после страстного поцелуя? Разочарована и копаюсь в себе: что со мной не так?

Тихо смеюсь сама над собой. Может, и к лучшему, что он не спешит с постелью. Моя внутренняя паранойя одобряет

Глава 6. СБэшное благословение

Во вторник рано утром, чтобы успеть до работы, бегу в соседнее здание сдавать анализы: сегодня я вновь в своём любимом бежевом облиии. Никаких фривольностей: собрана, сосредоточена и максимально взвинчена. Подозрения разьедают душу.

Медицинский центр совсем небольшой, но расположен уж больно удачно, да и режим работы отличный. Всегда прохожу чек-ап у них. Неудивительно, что встречают меня как хорошую знакомую. Улыбчивая администратор приглашает в процедурный.

— Ой, Ксения Владимировна, утречка доброго. А вы чего это так рано? У вас же по плану анализы только через месяц? — улыбается лаборантка. Сегодня работает знакомая — Таечка. Милое, наивное провинциальное создание. Простовата, местами беспардонна, но просто золотые руки. Кровь берёт без единого синяка, вены найдёт у любого, а уколы ставит так, что даже не чувствуешь.

— Здравствуй, Таечка, — улыбаюсь искренне. Я, правда, рада, что её смена. Меньше останется следов на руке — а значит, и вопросов, если что, будет меньше. — Вот решила проверить организм на... посторонние препараты.

Решаю ничего не скрывать — тем более что в документах у неё всё есть.

— Ого. Думаете, чего подсыпали? — окружённо качает головой, и лицо вмиг становится озабоченным.

— Скорее перестраховываюсь, но мысль такая есть, — соглашаюсь и тут же уточняю: — А часто с таким приходят?

— Ой, вы даже не представляете насколько. Ведь даже сегодня вы не первая. — Таечка искренне огорчена и переживает за пациентов. — Недавно была на курсах повышения квалификации, там тоже обсуждали этот вопрос. Сейчас столько всего. Ксения Владимировна, вы просто не представляете! Большинство препаратов растительного происхождения и растворяются за пару часов. Шансы поймать есть только вот если сразу-сразу сдавать кровь или и вовсе подозрительную жидкость анализировать. Тут уже связи нужны. Мы такое не делаем. Знаю, есть частное детективное агентство с лабораторией, вот они берутся. Не уверена, что это по закону, но...

Заговаривая мне зубы, девочка незаметно берёт кровь, а потом всовывает визитку детективов. Подрабатывает у них, что ли? Впрочем, картонный прямоугольник я не выбрасываю, а, прощаясь с персоналом, аккуратно прячу во внутренний кармашек сумочки. Не знаю, зачем это делаю. Жизнь научила меня осторожности. Связи сегодня решают если не всё, то очень многое. А жизнь — переменчивая штука и такие контакты лишними не будут.

Разгребаю рабочие завалы, но голова не на месте. Понимаю, что включиться на сто процентов не получается. Гнус-

ный червячок сомнения сидит во мне и снова и снова заставляет прокручивать наши встречи, анализировать его реакции, выискивать несостыковки и подвохи.

Если бы я, как многие современные женщины, активно вела соцсети, могла бы подумать, что Яша просто заморочился — изучил их или прочитал мой личный дневник. Слишком много попаданий в мои вкусы: еда, музыка, фильмы. Вот только дневника у меня никогда не было, а соцсети я не веду. Единственная страничка сохранилась ещё со времён студенчества — и может рассказать разве что о моих однокурсниках, конспектах почти пятнадцатилетней давности и расписании занятий того же срока годности. Учитывая, что отношения с бывшими сокурсниками у меня прохладные, опрос их вряд ли даст результат.

Я не делюсь фотографиями своей еды, не кидаю геолокации с отдыха и даже сопливые цитатки не репощу.

О моих вкусах, предпочтениях и личном знают только Нина и Алла, возможно, что-то Аллин муж, и то сомнительно. Он вкус жены на цветы за годы брака запомнить не смог. Что уж говорить о левой женщине, которую видит раз в пятилетку.

Верить в то, что Нина или Алла рассказали моему «свеженькому» ухажёру подробности обо мне, не хочется. Одна мысль об этом вызывает боль и панику. Их предательство я не переживу. Как бы я ни гнала эту мысль, она, как надоедливый комар, возвращалась снова и снова. Жалила, пила

кровь, но не исчезала.

Работа в ЕНТесч сделала меня крайне подозрительной, потому я предпочитаю всё перепроверять. Поглощённая сомнениями и пугающими мыслями, в обед нахожу время и набираю девочкам по видео. К моему огромному облегчению, и Нина, и Алла смогли ответить на звонок. Глядя им в глаза через диалоговое окно группового чата, вываливаю все сомнения без прикрас и спрашиваю прямо, общались ли они с Яшей.

— Ксю, серьёзно? — хмурит свои роскошные брови Нина.

— Да! — со стоном выдаю я и растираю лицо руками. — Мне страшно, Нин. Всё кажется каким-то нереальным.

— Ты просто боишься быть счастливой? — непривычно спокойно, даже как-то робко уточняет Алла.

— Нет... да... боюсь, что всё это искусственное. Ненастоящее. — Горько улыбаюсь. — Не могло мне так повезти.

— Мне, конечно, не нравится этот твой ухажёр, — постариковски ворчит Нина, — он какой-то слишком стремительный в твоей жизни, и опасения я твои понимаю, но! Я бы никогда не стала за твоей спиной помогать мужику. Даже из лучших побуждений.

— А я тем более! — подхватывает Алла. — Во-первых, мне некогда. Во-вторых, вместо совета он бы слушал ор моих детей. В-третьих, это подло. Я бы слила такой интерес в наш чат в ту же минуту.

— Спасибо! — с дрожью в голосе отвечаю девочкам.

Быстро-быстро моргаю, чтобы не разреветься. Не представляю, что бы я делала без подруг. Они — моя бесконечная поддержка.

Разговор приходится свернуть, потому что ко мне в кабинет ломятся Ванечка с Алексеем, менеджером одного из самых проблемных наших проектов.

Разговор с подругами слегка снимает накал. Бесконечный комок сомнений и подозрений становится будто меньше и прячется на окраине сознания. Я беру себя в руки и включаюсь в проблемы ребят.

Рабочий водоворот захватывает меня до самого вечера, но повышенную тревожность не снимает. Из здания выхожу взвинченная. Куда-то исчезла лёгкость встреч и ожидание праздника от свиданий. Даже мелькнула предательская идея отказаться от сегодняшней встречи, но шанс, что всё это просто моя паранойя, остановил.

Сама чувствую, что встречаю Яшу сегодня нерадостно. Груз горьких мыслей не даёт радоваться и наслаждаться прогулкой в роскошном парке.

— Что-то случилось? Ты какая-то задумчивая? — с волнением спрашивает Яша, замечая, что я третий раз отвечаю невпопад.

— Нет, — качаю головой и вяло улыбаюсь. — Просто устала очень. Сегодня был долгий день, и я, честно говоря, просто без сил.

— Может, по домам тогда? — заботливо предлагает он, а

я соглашаюсь. Не могу и не хочу лукавить перед ним.

Отпускает меня только в среду утром. Я встала и уже выпила свой коллаген, когда на личную почту падает письмо из лаборатории. На секунду сердце замирает, а потом разгоняется до сверхскоростей. Как же не хочется ошибиться ещё раз! Отдаться чувствам так легко, а обжигаться потом будет слишком больно. Если там хоть тень сомнения — я оборву все контакты!

Внимательно вчитываюсь в результат и почти визжу. Какая деловая сдержанность? Я у себя дома и вовсе не начальница! Здесь я — влюблённая девушка, которой пришло подтверждение, что ей просто ПОКАЗАЛОСЬ! Показалось! Ни следа посторонних веществ в крови! Ю-ху-ху.

Мне просто в кои-то веки ПОНРАВИЛСЯ мужик. Со всеми этими вертолётами и голодными бабочками. Танцую победный танец какого-нибудь африканского племени. У меня есть этот чёртов шанс на счастье!

Дальше наш с Яшей конфетно-букетный период развивается будто на страницах женского романа. Яков внимателен, чуток, страстен и оригинален. Во вторник мы гуляем в парке, в среду идём в грузинский ресторан, в четверг — в кино, в пятницу едим равиоли с крабом в камерном, но безумно уютном ресторане, в субботу катаемся на велосипедах и перекусываем уличными хот-догами, пачкая друг другу носы в смеси горчицы и кетчупа, в воскресенье разгадываем детективный квест...

Каждый день мы страстно целовались, но так и не переходили черту. Я надеюсь — он ждёт третьего, пятого свидания или выходных, чтобы не бежать с утра на работу, но... нет.

Мы встречаемся каждый день после работы: гуляем, общаемся, отдыхаем, но не занимаемся сексом. Будто подростки в пубертатном периоде, боимся даже к петтингу перейти. Только горячие губы и страстные объятия.

Как я нахожу время на этот роман — загадка даже для меня. Чего стоят только ежедневные попытки укладываться в восьмичасовой рабочий день, чтобы успевать на все эти встречи! Цену этого знают только боги дедлайнов.

Сложнее только сдерживать себя от попыток первой предложить перейти в горизонтальную плоскость отношений. Ночуя в субботу в одинокой постели, я решаю для себя, что буду ждать инициативы от мужчины. Слишком унижительно для меня будет самой её проявить. Стойко держусь, чтобы не взять быка за, кхм, рога. Хотя хочется. Очень хочется.

Меня с каждым разом всё больше тянет к Яше. Его глаза гипнотизируют, жадный рот покоряет, а горячее тело пленяет. Больше, правда, я не ловлю у себя каких-то странных реакций, хотя осознаю вполне чётко, что с каждым днём просто тону в этом мужчине.

Понимая, что пропадаю в ухажёре, сама забегаю в понедельник к начбезу. Всё-таки запрос на проверку личности Якова я оставила ещё неделю назад. Обычно на такую проверку уходит пара-тройка дней всего.

Такая практика в нашей фирме обязательна для всего высшего руководящего звена, а в наших подразделениях — даже для уборщиц. Личные дела не только сотрудников, но и их жён, мужей, бойфрендов и даже любовниц обязательно проходили через наших безопасников. Конечно, корпоративный шпионаж через постель — не самый распространённый способ сейчас, но и не вымирающий вид. Про инновационные отделы даже говорить не приходится. Уже много лет назад, при переводе в самую младшую группу, у меня перепроверили всю родню — вплоть до прабабки. На минуточку, уже давно почившую родню.

— Добрый день, Сергей Иванович, — приветствую начальника службы безопасности компании, в очередной раз поражаясь его суровой внешности. Он мне чем-то напомнил Дэниела Крейга в роли Джеймса Бонда. Такого... изрядно потасканного жизнью секретного агента.

— Добрый день, Ксения Владимировна. Чем обязан? — сухо отвечает мне мужчина.

— Я там запрос оставляла на прошлой неделе, ребята говорят, под вашим личным контролем дело. Что-то не так? У меня есть причины беспокоиться? — я стараюсь сохранить деловой и собранный вид, но опытный безопасник, конечно, заметил моё волнение.

— А что, Ксения Владимировна, роман предвещает быть долгим? — Начбез позволяет себе весьма непрофессиональное замечание, учитывая наше с ним общение — на грани

хамства. Я возмущённо вспыхиваю.

Я не люблю Сергея Рогова. Он сухой, безжалостный женоненавистник. Проверая личные дела, он никогда не скажет женщинам подноготную кавалера — только то, что касается бизнеса. Он не расскажет ни о привлечении к ответственности за жестокое обращение, ни об официальном браке или шлейфе любовниц, ни о долгах по алиментам или заложенном имуществе. Зато мужикам выдаёт полные досье на потенциальных спутниц. Меня жутко раздражает это в безопаснике.

— Это вопрос личной жизни, Сергей Иванович. Как вы говорите, личное службу безопасности не волнует, — возвращаю ему его же слова, но тут же смягчаюсь. — Да и, как говорится, хочешь насмешить бога — расскажи о своих планах.

Рогов на секунду хмыкает, оценив шутку.

— Тут вы верно подметили. Ваш запрос пока не готов. Готовились к презентации на той неделе, не хватало рук всё проверить. — Я киваю, вспоминая огромную презентацию нашего проекта. Набегались там ребята, было такое. — Заходите к вечеру, постараемся сделать.

Искренне благодарю Рогова и ухожу работать. А уже перед завершением рабочего дня нахожу время добежать за данными и получаю заключение по результатам проверки. В документе завуалированное одобрение на роман. Это значит, что Якова проверили и он точно не шпион, заинтересован-

ный во мне только как в источнике полезной информации для бизнеса.

Выдыхаю. Это прекрасная новость. Я, конечно, доверяю своему чутью на людей, которое громко заявляло мне, что Яков искренен со мной, но подтверждение окрыляет. С моей души падает огромный груз. Я даже почти решилась сама ускорить наши отношения, но в последний момент торможу. Пусть мужчина всё же проявит инициативу.

Глава 7. В темноте

Музыка: «В темноте» (5УТРА)

Сегодня среда, и у Якова очередной сюрприз для меня. Я и рада такой насыщенной культурной жизни. Мне льстит внимание, но я... слегка устала. Всё-таки уже несколько лет мой формат — это проверенные места пару раз в месяц. За эти полторы недели я перевыполнила полугодовой план.

Ощущаю себя какой-то Золушкой из сказки, только вот не в моменте, когда она из прислуги становится принцессой, а когда Принц начинает водить её по балам: «Дорогая, смотри, это важные люди, к ним надо. А вот это послы иностранные — и к ним надо!».

Я бы уже перешла к режиму ленивых встреч: горячий секс в кровати, пицца под хороший старый фильм и нежные потискушки на диване. После «одобрения» от безопасников я совсем отпустила себя и растворилась в нахлынувших чувствах. Даже не верится, что я могу быть счастливой. Поэтому терпеливо жду решительных шагов со стороны Яши.

Сегодня мы едем на машине. У Яши роскошный двухдверный Porsche насыщенного серого цвета. Пока мы вяло передвигаемся в московских пробках, любуюсь профилем Яши. Он после работы — сегодня были заседания суда. Поэтому опять классический костюм-тройка и уложенные волосы.

За эти недели я видела разные его образы: и полуофициальный — с джинсами и косухой, и вот такой строгий деловой. Ему идёт всё: и одежда, и стиль, и эта хищная спортивная машина. Наверное, я бы могла позволить себе такую, если бы не закрытая ипотека. С другой стороны, зачем мне тачка стоимостью миллионов в двадцать, если мой базовый маршрут — дом-работа-дом?

— Яш, а зачем тебе спортивный автомобиль в городе? — спрашиваю после очередной поездки длиной в метр.

— Наша фирма много работает с регионами. Основную поддержку мы ведём удалённо, но компаниям, которые покупают полный пакет услуг, предоставляется полное сопровождение. В центральном регионе много наших клиентов, — каждый раз у Яши меняется голос, когда он рассказывает о работе. Чувствуется, что он влюблён в свою профессию, это тоже подкупает меня.

— Последний год именно меня всё чаще отправляют в такие командировки, — почти хвастается мужчина. — А мне, честно говоря, удобнее на машине. Быстро, комфортно. Самолёты сейчас всё чаще отменяют или переносят из-за БПЛА и других опасностей. Поезда... Мне некомфортно в купе с попутчиками. Поэтому и приобрёл машину, чтобы можно было совмещать приятное с полезным.

— Гоняешь? — уточняю я, а у самой на секунду всё внутри сжимается.

Родители разбились на машине. Да, не их вина. Да, они не

гоняли. Вот только что-то внутри дрожит от страха потерять ещё одного близкого в аварии. А Яша уже близкий, да?

— Я езжу в основном по платным трассам, там хороший контроль скорости. Так что не переживай: всё в пределах допустимого, — Яша сжимает мою ладошку, как обычно чутко уловив смену моего настроения.

— Всё равно. Будь осторожнее! — прошу, сжимая горячую мужскую ладонь в ответ.

— Ты так разволновалась... — тревожится Яша, целуя мою ладошку, не выпуская из крепкого захвата.

— Мои родители погибли в аварии. Они ездили торговать по небольшим городам — ну знаешь, такие развалы-базары — возвращались часто поздно. Вот однажды не вернулись: комбайнёр напился и поехал ночью за выпивкой, просто снёс машину, — говорю о смерти родителей я спокойно. Давно отболело. У нас не было суперблизких отношений. Они много работали, и с самого детства я больше времени проводила с бабушкой, чем с ними. Ну или мне проще так думать, чтобы спастись от боли.

Яша ещё раз целует мою руку и успокаивающе гладит большим пальцем мою ледяную ладошку. Меня передёргивает от озноба, хотя в машине тепло.

— Сочувствую. Это ужасно — терять родителей, — в голосе Яши неподдельная тоска. Кажется, будто он не понаслышке знает об этом, хотя буквально вчера рассказывал, что его родители уже пенсионеры и скромно живут где-то

под Анапой. Не успеваю додумать мысль, потому что Яков уточняет:

— Сколько тебе было?

— Тринадцать, — голос мой, как бы я ни старалась, отдаёт застарелой болью.

Тогда были сложные времена. Дети жестоки: мало кто проникся сочувствием к гибели родителей, зато сиротский статус давал массу поводов для издевательств. Тогда-то я и сдружилась с Инной и Аллой. Мы все разные — по темпераменту, характеру, интересам, — но объединила нас любовь к справедливости. Алла и Инна до кровавых соплей отстаивали меня и себя, а я — их. С тех пор так и дружим. Нас не смогли разлучить ни разные вузы, ни семьи, ни банальные годы.

— А с кем потом росла? — продолжает любопытничать мой спутник, но тут же спохватывается. — Если тебе больно или неприятно говорить об этом, давай сменим тему.

— Да нет, всё в порядке. Мне приятно, что тебе интересно моё прошлое, — пожимаю плечами, слегка улыбаясь. — Я жила с бабушкой — маминой мамой. Она меня обожала, а я её. Поэтому детство у меня было счастливое.

— А сейчас? Навещаешь бабушку? На выходных или в отпуске там? — Яша отвлекается на очередное продвижение вперёд и, надеюсь, не видит, как на мгновение меня пронзает давняя боль.

— Нет. Она умерла четыре года назад, — отвечаю сухо.

— Оу... Прости, — рука Яши ложится на моё колено, сжимая его в жесте молчаливой поддержки. Его горячая ладонь согревает не только моё колено, обтянутое тонкой лайкрой чулок, но и моё сердце. Минуту назад его уже сковал ледяной панцирь одиночества, а эта тёплая рука, будто луч солнца во тьме, подарила надежду на спасение.

— Как тебе Porsche? — благородно переводит тему Яша, вырывая меня из эмоциональной бомбы перемешанных боли и надежды.

— Красивая, комфортная, уютная машинка. Я даже задумалась о такой, — отвечаю честно. — Не уверена, правда. Всё же мне больше ездить по Москве, вряд ли для этого нужен спорткар. Может, что-то попроще, но с таким же уровнем комфорта?

Оставшуюся дорогу мы рассуждаем о плюсах и минусах машин в большом городе. Яша даёт пару весьма дельных советов по подбору личного транспорта.

Наконец бесконечная пробка заканчивается, и Яша паркуется у большого ТЦ. Уверенно ведёт меня внутрь. Это что-то новенькое. Хотя, может, кино? Гадать бесполезно. Якову каждый раз удаётся удивить меня выбором места для свидания.

Мы какое-то время петляем, пока я не вижу яркую вывеску «В темноте». Сердце предательски сжимается. Никто не знает, кроме психолога, с которым я недолго работала после смерти бабушки, но я боюсь темноты. Вернее, не совсем так.

Мой триггер — это ночные звонки с неизвестных номеров. Так сообщили о смерти родителей, так я узнала о бабушкином инсульте. Обычно это никак не влияет на мою жизнь, но...

Глава 8. Качели

Музыка: «*Rachmaninov / Arr. Press for Violin and Piano: 14 Romances, Op. 34: No. 14, Vocalise*» (*Maxim Vengerov, Ian Brown, Сергей Васильевич Рахманинов*)

«*Tchaikovsky: Violin Concerto in D Major, Op. 35, TH 59 - 2. Canzonetta. Andante*» (*Виктория Муллова, Boston Symphony Orchestra, Seiji Ozawa, Пётр Ильич Чайковский*).

«*Violin Sonata No. 26 in B-Flat Major, K. 378: I. Allegro Moderato*» (*Bruno Zwickler, Rosel Molzer, Вольфганг Амадей Моцарт*)

Здесь, конечно, версия с оркестром, но на видеохостингах можно найти исполнение для скрипки и фортепиано.

Пока я впадаю в лёгкий ступор, к нам выходит милая девушка-гид. Объясняет правила встречи. Я не слышу её, но мозг профессионально вылавливает ключевые моменты: не пользоваться телефоном, идти только за гидом, снять обувь, не разговаривать громко, слушать гида. Только спустя минут десять, когда нам выдают инструкции со шрифтом Брайля, я понимаю, что девушка сама слепая.

— Всё в порядке? — заботливо уточняет Яша. — Ты какая-то притихшая.

— Да-да, — киваю. — Просто удивлена.

Не готова делиться этим ни с кем. Даже девочки не знают.

Яша же довольно улыбается: ему нравится удивлять меня. Внутренне настраиваюсь. Не должно быть ничего страшного.

Шаг за шагом, когда вокруг становится всё темнее, я собираю себя в кучу, борясь с подкатывающей паникой. Концентрируюсь на горячей руке Яши, что лежит у меня на плече. Сама я держусь за плечо гида, но точкой опоры становится мужчина. В темноте он ощущается для меня центром вселенной — точкой спокойствия, которую никак не могу найти внутри.

С трудом устраиваюсь на каком-то низком кресле. Чувствую себя некомфортно. Лишённая зрения, ощущаю себя неполноценной. Всё время кажется, что в этой темноте кроются чужие глаза. Сотни глаз. Я их не вижу, а они меня видят. Смотрят, оценивают, комментируют. Ёжусь от липкого чувства, что разливается по телу. Суетливо поправляю офисную юбку, прижимая руками её подол к коленям. Отвратительно некомфортные ощущения.

Гид оставляет нас одних, и мир погружается в полную темноту. Откуда-то из сведённого судорогой живота поднимается пока ещё тихое, но почти осязаемое чувство страха. Такой тишины я не чувствовала уже давно. С тех пор, как переехала в Москву, точно. В мегаполисе, который никогда не спит, всегда что-то звучит: дороги большого города, соседи, бытовая техника или просто клавиатура от ноутбука, за которым ты работаешь.

Здесь же стоит абсолютная тишина, которую нарушают только наше с Яковом неровное дыхание и прерывистый стук собственного сердца.

Прежде чем чувство страха поглотит меня без остатка, тишину разрезают первые звуки скрипки. Тихие, едва уловимые, они плавно нарастают. Постепенно к ним прибавляются нежные ноты пианино — тоже едва ощутимые, будто пёрышки, бегающие по голой коже. Постепенно фантомные прикосновения становятся увереннее, и пёрышко сменяется мурашками. Кажется, что музыка не просто звучит — она физически трогает тебя. Будто невидимые глаза превратились в руки: сокрытые темнотой и безнаказанные неизвестностью, они гуляют по твоему телу.

В небольшом зале звучит Рахманинов. Я без труда узнаю его, ведь именно эта мелодия пленила меня ещё в школе. Знакомая музыка должна была расслабить и погрузить в чувство покоя. Вот только на смену страху приходит боль. Почему-то вместо наслаждения любимыми мотивами меня захлестывают болезненные воспоминания.

Вот я, совсем ещё девчонка, просыпаюсь от звонка домашнего телефона. У нас был модный: с базой и переносной трубкой. Мобильные телефоны тогда уже были в ходу, но и от городского родители не отказывались, да и бабуля всё никак не могла привыкнуть. Темноту осенней ночи разрезает резкий звук механической музыки. Отец баловался с телефоном и вместо обычного звонка настроил мелодию Моцар-

та.

Искажённая корявой полифонией, эта мелодия стала символом горя и утраты. Моё маленькое сердце тогда разорвалось от боли и непонимания, и сейчас эти чувства накрыли с головой.

Дрожащей рукой я стираю слёзы, что молчаливым, но нескончаемым потоком текут из глаз. На смену Рахманинову приходит Чайковский. Я не помню названия произведения, но для меня оно всегда было олицетворением самой грусти. Даже с полным набором чувств эта музыка пробирала меня насквозь, а сейчас, лишённая зрения, я будто выворачиваю свою душу наизнанку. Личное, тщательно оберегаемое, выносится на суд общественности и разрастается до гигантских масштабов.

Скрипка поёт, а фортепиано вторит ей, а моя боль растёт и множится. Мне чудится запах яблок и корицы. Так пахла шарлотка из моего детства. Вместе с запахом приходят и долгие зимние вечера под телеканалом «Культура», когда мы болтали с бабушкой обо всём. Как она учила меня думать, анализировать, решать.

Моя бабуля была школьным учителем. Приехала в село по распределению после пединститута, встретила моего деда, старшего механизатора, и осталась там. Постепенно люди всё больше бежали из села, а школа работала. Так бабушка из учителя начальных классов превратилась в преподавателя всего. Грусть от потери самой близкой в мире души, что

обычно мирно таится в дальнем уголке сердца, затапливает меня целиком. От макушки до самых пят.

Неожиданно мелодия сменяется. В помещение, казалось, насквозь пропитавшееся моей болью, врывается весёлый и беззаботный Моцарт.

Неожиданно что-то касается моей руки, и я вздрагиваю всем телом, тихо пискнув. Сдержатъ вопль страха стоит всех остатков моих моральных сил. С запозданием в пару секунд я понимаю, что это всего лишь Яков, который решил взять меня за руку.

Где же он раньше был?

Получив опору в виде тёплой мужской руки и невесомых поглаживаний шершавых пальцев, я выдыхаю. Я не одна. Ни в моменте. Ни в мире. Именно в этот миг ко мне приходит осознание, что всё в моей жизни может быть по-другому. Всё наладится.

Лёгкие заполняет новый аромат. Корица остаётся, но её вытесняет миндаль и табак, потом приходит сладость ванили. Не сразу понимаю, что этот запах прочно ассоциируется с Яшей. Это не просто запах, это воспоминание о нас. Может, мои рецепторы просто играют со мной злые шутки? Просто усиливают восприятие, или и вовсе это лишь игра разума.

Музыка постепенно затихает, и я остаюсь в полном эмоциональном раздрае. По времени вряд ли прошло больше получаса, но эмоционально-сенсорные качели, на которых прокатилось моё подсознание, просто выпили мои силы.

На какое-то время наступает тишина. Всё та же абсолютная тишина. Мне больше не страшно, и паника не поднимается: в воздухе всё ещё горит аромат Яши, а моя рука крепко сжимает руку мужчины. Я не одна. Мне не страшно.

— Что вы чувствовали во время концерта? — неожиданно разрезает тишину голос нашего гида, и я вновь вздрагиваю, сильнее цепляясь за Яшу.

— Мне показалось, что я плыву в море звуков. Казалось, что звуки физически окружают меня, и я плыву в этом потоке, — первым отвечает Яша. Его голос звучит слегка хрипло после долгого молчания.

— Для меня это стало очень сильной сенсорной перегрузкой, — отвечаю честно, поражаясь, насколько надломленно звучит мой голос.

Гид ещё задаёт вопросы, но я больше не вступаю с ней в диалог, предоставляю Яше возможность отвечать за нас двоих.

Мы выходим обратно, и, пока Яша решает какие-то формальности, я ухожу в туалетную комнату, которая, к счастью, оказывается рядом. С ужасом смотрю на своё распухшее лицо с поплывшим макияжем. Трачу добрых десять минут, чтобы превратить себя в подобие адекватного человека.

— Всё в порядке? — спрашивает Яша, ожидая меня у выхода.

— Да, — вяло улыбаюсь. — Просто это, правда, оказалось очень сильным для меня.

Глава 9. Арт-хаус

Ксения

Яша приглашает поужинать в кафе рядом, но я отказываюсь и прошу отвезти домой. Дорога тянется особенно долго. Кажется, что вся Москва решила именно сейчас поехать в одну с нами сторону. Яков пытается разговорить меня, но я отвечаю невпопад.

Свидание в темноте оказалось внезапно слишком сильным для меня. Я даже не понимаю, о чём думаю, слепо вглядываясь в пейзаж за окном. В моей голове редкая ситуация: когда мыслей миллион, но я их не отслеживаю и даже не осознаю. Будто кадры из артхаусного фильма, мысли приходят и исчезают, оставляя после себя мерзкое послевкусие. Будто в твоё любимое пирожное пробралась плесень. Внешне всё хорошо: никаких приз

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.